

ТВОЕ МЕСТО В СТРОЮ!

Сергей Зверев

КОНТРАКТНИК

ГАИТИ
ВЗРОСНЕТ
ЕЩЕ РАЗ!

Контрактник

Сергей Зверев

Гаити вздрогнет еще раз!

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Гаити вздрогнет еще раз! / С. И. Зверев — «Научная книга», 2010 — (Контрактник)

На разрушенный землетрясением остров Гаити под прикрытием МЧС прибыла особая группа спецназа ВДВ – опытные разведчики, в том числе и сержант-контрактник Владимир Локис. Задание, которое предстоит выполнить спецам, настолько важное и секретное, что в его детали пока не посвящен даже командир группы. Десантники ничем не выдают себя, занимаются спасательными работами, но тем не менее начинают ощущать пристальное внимание к себе. Сначала их как бы случайно «прессует» американская военная полиция, потом атакует группировка исламских террористов... Десантники понимают – за этим многообещающим началом их ждут крайне тяжелые испытания, из которых домой вернутся не все...

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Зверев

Гаити вздрогнет еще раз!

Глава 1

Московская область, город Балашиха. Январь 2010 года.

– Володя, ты извини, что я опять об этом спрашиваю... – Анна Тимофеевна перевернула очередную, уже поджарившуюся, котлету и пристально посмотрела на сына. – Просто никак не могу понять, кем ты все-таки служишь? Ну, в смысле, в какой должности?

– Мама, – Владимир Локис остановил ложку с любимым борщом на полпути ко рту, – ну сколько можно говорить? Я – простой каптерщик. Понимаешь? Кап-тер-щик! Если быть точным, то моя должность называется «начальник продовольственно-вещевого склада» небольшой воинской части.

Анна Тимофеевна опять недоверчиво покосилась на сына.

– Раньше ты меня никогда не обманывал, – грустно констатировала она.

– Ма... – укоризненно покачал Володя головой, откладывая в сторону ложку, – ну что ты такое говоришь? Когда я тебя обманывал?

– Я не говорю, что именно обманываешь, – поправила мать. – Но у меня почему-то складывается впечатление, что ты чего-то недоговариваешь...

Вопрос – где, а самое главное, кем служит ее сын – с некоторых пор стал для Анны Тимофеевны Локис самым наболевшим. И дело было вовсе даже не в том, что Володя слишком часто уезжал куда-то во Владимирскую область на закрытый полигон, откуда не всегда мог ей позвонить. Сын говорил, что это служебные командировки и ничего опасного в них нет. До недавнего времени Анна Тимофеевна тоже так думала. Хотя какое-то смутное беспокойство, пока Володи не было дома, ее все же одолевало. Она никак не могла понять, какие такие командировки да еще так часто могут быть у сержанта, заведующего вещевым и продовольственным складом? Сама Анна Тимофеевна всю жизнь проработала в инструментальном цехе на Балашихинском литейно-механическом заводе, выдавая инструменты рабочим. То есть, как ей казалось, тоже была своего рода каптерщиком. Вот только никуда ни в какие командировки ни разу не ездила. Впрочем, нет, пару раз все же доводилось. Но всего дня на три, не больше. А у сына этих командировок не счесть. По две, а то и по три, и по неделе каждая. Да уж ладно, бог с ними, с командировками. Привыкла. Совсем другое не давало покоя Анне Тимофеевне.

Как-то раз, когда Володя был в очередном отъезде, она смотрела вечерний выпуск теле новостей. И совершенно случайно увидела коротенький репортаж из Гондураса. Диктор рассказывал о крушении в джунглях этой латиноамериканской республики небольшого пассажирского самолета какой-то частной авиакомпании. Само по себе это сообщение ни малейшего интереса, а уж тем более беспокойства у женщины не вызвало. Но только до тех пор, пока на экране не начали крупным планом показывать фотоснимки погибших в этом самолете. И вдруг Анне Тимофеевне показалось, что на одном из них она узнала Валеру Кузьмина, сослуживца ее сына Володи. Анна Тимофеевна до сих пор помнила, как замерло у нее сердце, как она потом пыталась хоть что-то узнать через военкомат. Но все ее усилия оказались тщетными. Никто ничего ей не сказал. И, судя по всему, не собирался ничего ей говорить.

Первым, к кому обратилась Локис, был балашихинский районный военком. Седой подполковник с усталым, некрасивым лицом, вертя в руках дешевую авторучку и стараясь не смотреть ей в глаза, прозрачно намекнул Анне Тимофеевне, что о местонахождении военнослужащих распространяться не принято, поскольку это является одной из составляющих военной тайны.

– Вы, поймите, гражданка, – тщательно подбирая слова, говорил военком, – ваш сын – военный человек. А это значит, что он принадлежит не вам и даже не себе, а государству. И вот куда его Родина пошлет, туда он и должен идти, не рассуждая... Да и потом, как я могу что-то узнать о том, где он сейчас находится, если вы не знаете номер его войсковой части? Все, что я могу для вас сделать, это только посоветовать запастись терпением и ждать. И самое главное – верить. Я думаю, что ваш сын обязательно скоро вернется.

Через несколько дней после этой неутешительной беседы Володя действительно вернулся из командировки целым и невредимым. Анна Тимофеевна попыталась рассказать ему о своих переживаниях, но сын только устало усмехнулся:

– Мама, ну, какой, к черту, Гондурас? Кто меня туда пошлет? Зачем? Я же просто каптерщик...

Больше они на эту тему не разговаривали, но Анне Тимофеевне стало казаться, что Володя от нее что-то скрывает. И вот сегодня она почему-то решила попытаться еще раз поднять эту тему.

– Ма... – Володя мягко обнял мать сзади за плечи, отвлекая от неприятных воспоминаний, – ну что ты так волнуешься? У меня самая скучная и мирная служба. Ты думаешь, чем я занимаюсь на полигоне? Ем да сплю целыми днями. Даже не интересно. Того и гляди, пузо через ремень переваливаться начнет...

– Я заметила, как ты там ешь, – ворчливо ответила мать. – Приезжаешь тощим, как оглобля, и первым делом за стол садишься.

– Это потому, что я в командировках всегда по твоей стряпне скушаю.

– Ох, и подлиза ты у меня, Вовка! – улыбнулась Анна Тимофеевна и осторожно освободилась от его объятий. – Пусти, а то котлеты сгорят...

Володя убрал руки и вернулся к столу. Если бы мать в этот момент оглянулась, она была бы поражена, с какой тоской, любовью и грустью смотрел на нее сын.

– Продолжаются работы по ликвидации последствий землетрясения на Гаити, – раздался голос диктора из стоящего на стойке телевизора, – которое практически уничтожило все города и поселения западной части острова. Напомним, что землетрясение произошло днем, шестнадцатого января этого года. На остров продолжает прибывать строительная, ремонтная и спасательная техника, предназначенная для разбора многочисленных завалов, под которыми оказались жители. Кроме того, на Гаити приходит гуманитарная помощь из всех стран, в том числе и из России. В основном это продукты питания, теплые вещи, временные палатки – словом, все то, что так необходимо сейчас пострадавшим от стихийного бедствия. Большинство жителей до сих пор боятся возвращаться в свои жилища, опасаясь повтора подземных толчков. Спасатели занимаются разбором завалов и поиском живых. Специалисты пытаются наладить подачу электроснабжения в крупных городах. Медики оказывают помощь пострадавшим прямо под открытым небом, в развернутых полевых госпиталях. Министр ЧС России Сергей Шойгу на вчерашнем брифинге заявил, что российские спасатели также готовятся оказать помощь пострадавшим. Уже сформировано несколько поисково-спасательных отрядов, которые в скором времени придут на остров...

– Да, хорошо их там тряхануло, – проговорил Локис, отставляя в сторону пустую тарелку. – Считай, от этого островка ни фиги и не осталось...

– Интересно, а наши-то зачем туда летят? – больше для того, чтобы поддержать разговор, а точнее, перевести его в другое русло спросила Анна Тимофеевна, мельком бросив взгляд на экран. – У нас, что ли, катастроф меньше?

– Это, мам, политика, – внушительно ответил Володя. – Вот, дескать, какая у нас замечательно-преуспевающая и богатая страна, мы даже можем себе позволить оказывать помощь другим, недоразвитым странам... Да и потом, надо же куда-то девать скопившиеся на военных

складах стратегические запасы консервов и прочего барахла, у которого давно закончились все сроки годности. Выкинуть, как говорится, жалко, а самим есть уже нельзя, отравиться можно. А тут такая шикарная возможность освободить складские помещения, заработать денежку, а заодно на весь мир прослыть щедрым и добрым другом, всегда готовым прийти на помощь. Но прежде всего, эти катастрофы – отличный, а главное бесплатный, полигон для проверки и отработки навыков, приобретенных нашими доблестными спасателями.

– Болтаешь невесть что, – укоризненно покачала головой мать. – С чего ты взял, что наша страна продает за границу тухлые консервы?

– Я не говорил, что они тухлые, – замотал головой Володя, – очень даже приличные и вкусные консервы, если не считать того, что их сделали лет сорок назад и поэтому они подлежат утилизации. Для этого есть два способа: первый – сжечь, а второй – подарить в качестве гуманитарной помощи тем, кто в ней нуждается. И этот второй способ утилизации всегда предпочтительней первого. Ты что, мам, думаешь, американцы в ту же Гаити одну только свежатику посылают? Сильно в этом сомневаюсь...

Анна Тимофеевна ничего не ответила. Она молча наложила в тарелку картошки-пюре, положила сбоку две котлеты и поставила перед сыном. О том, кто и какие продукты отправляет терпящим бедствие странам, ее в этот момент интересовало меньше всего, поэтому рассуждения сына она слушала невнимательно, думая о чем-то своем. Что-то подсказывало ей, что Володя опять собирается в командировку на полигон.

Накануне он пришел со службы раньше обычного и, широко улыбаясь, бодро заявил прямо с порога:

– Радуйся, мам, я завтра целый день выходной!

Женщина и в самом деле сначала обрадовалась. В последнее время, после того как сын поступил на контрактную службу, они стали видеться очень редко. Но потом быстро вспомнила, что, как правило, такие вот «выходные», ни с того ни с сего, посреди недели всегда предшествовали Володиным командировкам. Однако открыто спросить об этом у сына она стеснялась, хотя этот вопрос давно уже вертелся у нее на языке.

– Володя, – глядя, как сын с удовольствием ест, осторожно спросила наконец Анна Тимофеевна, – а ты куда не собираешься?

Локис на мгновение замер, делая вид, что задумался.

– Да нет, вроде бы, мам. Сейчас вот поем и сяду телевизор смотреть. Может быть, почищу что-нибудь. А почему ты об этом спросила?

– Просто так, – быстро сказала женщина, собирая грязную посуду.

Доев второе, Володя поднялся из-за стола и сладко потянулся.

– Вот спасибо, ма, накормила, так накормила...

Анна Тимофеевна с улыбкой посмотрела на сына.

– На здоровье, сынок, – ответила она. – Чем заниматься думаешь?

– Да вот телевизор посмотрю...

– А к Тане ты разве не хочешь сходить?

Локис нахмурился. Вопрос, как видно, поставил его в тупик, а кроме того, был не приятен.

Таня, о которой так нестати напомнила ему Анна Тимофеевна, была симпатичной студенткой Российского государственного аграрного университета, филиал которого совсем недавно открылся в Балашихе. Володя Локис познакомился с ней примерно полгода назад. Девушка понравилась ему с первого взгляда. Было в ней что-то такое легкое, воздушное, почти неземное. По аллее парка, в котором Володя прогуливался после очередной командировки, она не шла, а словно летела. Локис мгновенно влюбился и поэтому, не раздумывая, шагнул ей навстречу и выпалил, как сам потом считал, крайне банальную фразу:

– Девушка, мы с вами нигде не встречались?

Как ни странно, но та не испугалась преградившего ей путь крепкого парня с короткой стрижкой. Наоборот, приветливо улыбнувшись незнакомцу, она охотно поддержала разговор. Отрицательно качнув головой, девушка ответила:

– Не помню, чтобы я вас когда-нибудь видела.

– Зато я точно помню, что видел вас, – улыбнулся и Локис, – и даже помню где...

– Во сне, – договорила за него девушка и хитро прищурилась, – я угадала?

Володя смущенно опустил глаза.

– А как вы об этом догадались? – пробормотал он, чувствуя, что вот-вот покраснеет.

– Да просто все парни знакомятся абсолютно одинаково, – рассмеялась она, – как под копирку. Создается впечатление, что вас всех этому учат на каких-то специальных курсах.

Смех у незнакомки был звонкий и совершенно искренний. Локис смутился еще больше. Вообще-то, его нельзя было назвать робким или нерешительным, но в общении с представительницами противоположного пола он нередко терялся. Особенно, если девушка ему нравилась. Как в этот раз.

– Извините, но я, кажется, обознался, – пробормотал он, делая шаг в сторону.

– Вот, все вы такие, – как будто даже с удовольствием констатировала девушка и опять засмеялась. – Если бы я отказалась знакомиться, то обязательно стали бы преследовать. А как только ответила – сразу же встали на лыжи пятками назад. Ладно, не пугайтесь, просто у меня свой метод отшивать прилипчивых молодых людей. Но вы мне таким не кажется... Меня Таней зовут. А вас как?

– Володя...

– Ну вот и познакомились...

В тот вечер они прогуляли допоздна. Говорили о всякой ерунде. Таня рассказывала о себе, об учебе, о своих увлечениях, о подругах... Локис тоже рассказал, что он сержант-контрактник и служит неподалеку от Балашихи, заведая продовольственно-вещевым складом в одной воинской части. О своей настоящей специальности Володя новой знакомой так ничего говорить и не стал. Именно это и послужило причиной тех недоразумений, которые достаточно быстро стали между ними возникать.

Первое внезапное исчезновение Володи Таня перенесла относительно спокойно. В тот вечер они должны были пойти на концерт какой-то заезжей поп-звезды. Локис даже купил на него билеты, но... Срочная командировка пришлась аккуратно на день концерта. Володя едва успел позвонить Тане и сообщить, что не сможет никуда пойти, потому что ему надо срочно уехать на пару недель.

В ответ Таня немного помолчала в трубку, а потом осторожно спросила:

– Володя, а это не опасно?

– Да ну что ты, Танюша, – вполне естественно рассмеялся Володя, – какая опасность может грозить начальнику вещевого склада на учебном полигоне? Если только мыши. Через пару недель вернусь, и тогда обязательно куда-нибудь сходим. Ладно?

Второй раз Володе пришлось уехать настолько быстро, что он не успел предупредить не только Таню, но даже мать. А ведь они с Таней должны были пойти на день рождения к ее подруге. Девушка обиделась, и Локису, когда он вернулся домой, понадобилось несколько дней, чтобы помириться с ней.

После его третьей командировки, такой же неожиданной и срочной, как и две предыдущие, Таня очень внимательно выслушала сбивчивые, хотя и совершенно искренние извинения Локиса и неожиданно спросила:

– Скажи, Володя, а ты не мог бы перевестись на более спокойную должность?

– Да ты что, Танечка, кто ж меня переведет? – удивленно вскинул брови Локис. – И потом, меня моя служба вполне устраивает...

– А меня – нет, – твердо сказала девушка. – Мы с тобой встречаемся уже полгода, а я все никак не могу понять, есть у меня молодой человек или нет. Почему я должна везде ходить одна? Может, ты не в командировки ездешь? Может, у тебя где-нибудь есть жена и дети?

– Ты что, Тань? Какая жена? Какие дети? Я – холостяк!

– Не очень-то на это похоже. В общем так, выбирай – или я, или твоя непонятная служба...

– Нет, ма, Таня занята сегодня, – тихо ответил Володя. – Ей не до меня, она к сессии готовится.

Анна Тимофеевна понимающе покивала головой:

– Конечно-конечно, учеба – это важно, не надо мешать...

Володя хмуро посмотрел в окно, за которым падал пушистый снег, и тяжело вздохнул.

Глава 2

Остров и Республика Гаити. Аэропорт города Порт-о-Пренс. Середина февраля 2010 года.

Тяжелый транспортник «Ил-76» с трехцветным российским флагом на киле хвостового оперения, с оранжево-синими полосами и крупными буквами МЧС на фюзеляже, сделав в небе широкий разворот, начал заходить на посадку. Под огромной крышей у крыла промелькнули развалины, которые всего несколько недель назад были красивым цветущим городом. Локис посмотрел в иллюминатор. В Латинской Америке ему уже доводилось бывать, и не раз. А вот на остров Гаити он летел первый раз. В голове почему-то постоянно вертелся диалог из детского мультфильма: «Прилетаю я как-то на Таити... Вы не были на Таити? Таити, Таити... Не были мы ни в какой Таити! Нас и здесь неплохо кормят!»

«Действительно, – машинально подумал Володя, – чего мы сюда приперлись? Нас и в Балашихе неплохо кормили».

Впрочем, мысль эта была какой-то мимолетной и надолго в голове не задержалась. За годы службы, сначала срочной, а потом уже по контракту, Локис твердо усвоил правило: «Спецназ ВДВ не спрашивает «зачем», спецназ решает «как». И если их, десять человек элитного спецподразделения, под видом бойцов МЧС в срочном порядке направили на полуразрушенный землетрясением остров в Карибском море, значит, так надо. Кому? А вот это уже неважно. Надо и все. В конце концов, командирам из кабинетов лучше видно, на то они и начальство, в конце концов.

Ровный гул турбин «Ил-76» сменился резким свистящим звуком – верный признак того, что самолет начал снижение и вышел на глиссаду. Володя почувствовал несильный толчок по всему фюзеляжу оттого, что летчики выпустили шасси, и буквально через пару минут, последовал еще один, более ощутимый – от соприкосновения самолета со взлетно-посадочной полосой. Двигатели прекратили свистеть и опять ровно заурчали.

– Ну что, братцы? Кажись, прибыли на благословенную, но сильно заваленную землю Гаити, – полушутливо, полусерьезно проговорил командир поисково-спасательного отряда МЧС Виктор Колесников и добавил: – С чем я вас всех от души и поздравляю...

– Командир, а купаться будем сразу, как приземлимся, или потом? – поинтересовался кто-то из спасателей.

– Сразу, – насмешливо пообещал Колесников, – вот как только разгрузимся, поставим лагерь, спасем всех гаитян... Так сразу и пойдем плескаться, пить ром и курить кубинские сигары...

– Вот всегда так, – посетовал тот же голос, – куда не прилетим, первым делом работа, а все остальное – потом. Жаль только, что времени на это самое «все остальное» не будет...

– Тебе, Ванечкин, чтобы ни делать, лишь бы ничего не делать, – добродушно заметил кто-то. – Чем всякую фигню молоть, готовился бы лучше к высадке...

Локис украдкой взглянул на командира их группы, Лешку Демидова. Тот, как всегда во время длительных перелетов, спал, засунув огромные ладони себе под мышки, привалившись головой к стенке и вытянув ноги во всю длину. Это была одна из его особенностей – засыпать в любых условиях так же легко, как будто он был не на боевом задании, а у себя дома.

Алексея Демидова в батальоне прозвали Купцом – то ли по аналогии со знаменитыми уральскими заводчиками Демидовыми, то ли за по-купчески массивную фигуру. Но в спецназе разведки ВДВ он был знаменит не только тем, что мгновенно засыпал при каждом удобном случае. Капитан Демидов за все время своей службы в десантных войсках, включая учебу в Рязанском военном училище, выполнил всего пятьдесят с небольшим прыжков. И это при

том, что у многих его подчиненных их было под тысячу. Алексей по этому поводу сильно комплексовал, но ничего поделать не мог.

Заместитель командира спецполка ВДВ по парашютно-десантной подготовке, едва увидев Купца на допрыжковой тренировочной площадке, вкрадчиво поинтересовался у него:

– Сколько в тебе килограмм, сынок?

– Сто двадцать пять, – нехотя ответил Демидов.

ПДПист тут же категорически заявил:

– Эта туша мяса будет десантироваться только через мой труп!

Подполковник был прав. Максимальный вес десантника, допускаясь до прыжков с парашютом, вместе со всем снаряжением, не должен был превышать девяносто пяти килограммов, поэтому Демидов нисколько не удивился и даже не расстроился заявлению инструктора по подготовке.

– Тренироваться-то мне никто не мешает, – вполне резонно возразил он.

Инструктор на минуту задумался, еще раз внимательно и даже придирчиво осмотрел капитана. Потом перевел тоскливый взгляд на тренажеры парашютного городка. Особенно долго он смотрел на парашютную вышку.

– Тренируйся, – разрешил он нехотя, – только не сломай ничего...

Однако, несмотря на внушительные габариты и внешнюю неповоротливость, Алексей оказался очень подвижным и выносливым десантником. При его огромном, почти два метра, росте, он передвигался настолько легко, что угнаться за ним не могли даже признанные в полку мастера по кроссу с полной боевой выкладкой.

На первом же учебно-боевом выходе он до такой степени замотал вверенную ему группу, что закаленные и, казалось бы, привычные ко всему разведчики чуть не плакали как салаги-первогодки. Впрочем, зла на Купца за это никто из десантников не таил, поскольку все прекрасно понимали, что если хочешь служить с таким командиром, то просто обязан подстраиваться под его темпы и нагрузки. К тому же, в полку спецназовцев всегда уважали людей, которые умели делать что-то лучше других. А Демидов, как выяснилось, умел многое. Например, на любой местности умудрялся маскироваться намного быстрее других. К тому же делал это настолько профессионально, что обнаружить его было невозможно до тех пор, пока он сам не выходил из своего укрытия.

Благодаря этим приобретенным навыкам, опыту, а также природному добродушию Купец-Демидов достаточно быстро снискал уважение своих подчиненных. Особенно когда он умудрился сбросить тридцать кило веса и по личному ходатайству командира полка спецназа полковника Туманова был, наконец-то, допущен к прыжкам вместе со всеми. Правда, инструктор по ПДП категорически заявил, что если и разрешит капитану Демидову прыгать, то не более одного раза в день.

– Вы что, товарищ полковник? Не понимаете? – доказывал он с пеной у рта Туманову. – Да ведь этот амбал покалечится уже на приземлении! За счет собственного веса переломается. На хрена, скажите на милость, нам нужно повышать процент небоевых потерь? У нас их и так до той самой матери!

Однако Туманов своего мнения не изменил, и Демидову разрешили прыгать на общих основаниях. Но, как и требовал ПДПист, не больше одного раза в день.

...Пробежав по посадочной полосе, самолет снизил скорость и плавно завернул на рулежную дорожку.

– Внимание на борту! – раздался в динамике искаженный голос первого пилота и командора экипажа, – прибыли на место, выгрузку начнете через хвостовую часть самолета, после полной остановки двигателей. Все возникшие вопросы, связанные с выгрузкой, – к борттехнику. У меня все, конец связи...

Шипение динамика прекратилось, зато началось оживление в отсеке. Спасатели стали подниматься со своих мест, потягиваться, разминая затекшие в перелете конечности. Пассажирский отсек «Ил-76» наполнился гулом голосов. Володя быстро осмотрел своих сослуживцев, которые с самого начала полета сели особняком от бойцов МЧС, и опять остановил взгляд на Демидове. Тот продолжал сидеть, не меняя позы и не открывая глаз.

«Нервы у Купца – как ванты на Крымском мосту, – с уважением подумал Локис. – Ничем его не прошибешь».

– Командир, – негромко позвал он, – а нам-то что делать?

– То же, что и всем, но не торопиться, – буркнул тот в ответ. – И вообще, Медведь, куда ты так торопишься? Забыл в каких случаях требуется спешка? Слыхал, что сказал летчик? У нас целых десять минут в запасе есть. Не меньше, так что сиди и не отвечивай...

Самолет мягко качнулся вперед останавливаясь, шум турбин тут же начал стихать. Локис опять посмотрел в иллюминатор, пытаясь сориентироваться, в какой «медвежий угол» аэродрома их загнал диспетчер. То, что он увидел, ему понравилось и не понравилось одновременно. Обилие зелени, яркое солнце и ослепительное, голубое небо выглядели как-то необычно на фоне развалин здания международного аэропорта и хозяйственно-жилых построек вокруг него. Невольно создавалось впечатление, что их привезли из какой-то другой местности специально, чтобы вновь прибывшие почувствовали контраст с тем, что было.

Самолет еще раз вздрогнул, и почти тут же опять зашипел бортовой динамик.

– Парни, можете выгружаться, – проговорил уже другой голос, очевидно принадлежавший бортехнику, – двери открыты...

Спасатели не спеша потянулись в хвост транспортника. Некоторые из них удивленно и вопросительно оглядывались на не получивших команды и потому продолжавших сидеть десантников. Видимо, они никак не могли взять в толк, почему их «коллеги», подсевшие на военно-испытательном аэродроме в Люберцах буквально в последнюю минуту перед самым вылетом, теперь не торопятся покинуть самолет. Но Демидов продолжал молчать, а без его команды разведчики не могли, да и не собирались ничего делать...

Как только последний МЧСовец скрылся за дверью грузового отсека, Демидов открыл глаза.

– А вам, гвардейцы, что, особое приглашение надо? – пробасил он. – Забыли, что нам в Москве Туманов говорил? Не выделяться! Все на выход, помогать нашим новым «товарищам по оружию»...

– Командир, – поднимаясь со своего места, спросил сапер группы, – я не спрашиваю, зачем мы сюда прилетели, но думаю, что не для того, чтобы...

– Думать приказа не было, Вадим, – негромко перебил его Демидов и легко поднялся, словно ему не пришлось просидеть неподвижно целых тринадцать часов, – думать – это прерогатива командиров и начальников.

– Купец, – укоризненно покачал головой Локис, – ты не прав. Зачем же вот так, с ходу, давить на горло? Не забывай, что в разведке есть жесткий закон – каждый имеет право голоса, если для пользы дела. Нас подняли по тревоге, заставили переодеться в форму спасателей, запихали в самолет, сказали – на месте все узнаем.

Демидов на мгновение замялся.

– Вот что, парни, – примирительно проговорил он, – если честно, то я сам мало что знаю. Туманов вручил мне пакет и сказал, что вскрыть его надо только после того, как мы радируем о своем благополучном прибытии на место назначения и легализации в качестве российских спасателей. Так что придется потерпеть еще немного...

Монолог Демидова прервал неожиданный шум за бортом самолета. Судя по громким и возбужденным голосам и тому, как злобно выкрикивались английские и русские ругательства, можно было легко предположить, что на аэродроме начался какой-то скандал. Спецназовцы,

не сговариваясь, бросились к двери, ведущей в грузовой отсек. Но на полдороге их остановил резкий окрик командира группы:

– Стоять, гвардейцы! – Сам Демидов не шелохнулся, хотя голоса на улице становились все громче и озлобленнее. – Сразу же предупреждаю: ни в какие скандалы не ввязываться. Мы здесь на нелегальном положении, поэтому никто не должен знать, кто мы такие. Для всех, без исключения, наша команда – специалисты МЧС России особого профиля, и не более того. Так что никакой самодеятельности, никаких стычек и конфликтов... Понятно?

– Э, ты не больно-то тут распрягайся, – из общей многоголосицы за бортом самолета неожиданно выделился возглас Колесникова, – тут тебе не твоя хренова Америка и не Ирак, так что хавальник быстро на сторону свернут...

– Wow? Shit! Tuck Russians! – раздалось в ответ, и почти сразу же послышалась звучная оплеуха.

– Наших бьют! – заорал кто-то.

– Что б вас всех! – Демидов выругался и, видимо, напрочь забыв о своих недавних наставлениях, ринулся к выходу из самолета. Десантники кинулись за ним следом.

Российский «Ил» еще не затащили на стоянку, и он продолжал стоять в самом конце рулежной дорожки. Хвостовой трап-люк был открыт, и через него на бетонку аэродрома уже успели выехать два грузовика. Перед ними-то и разыгрался конфликт местного значения, который вот-вот грозил перерасти в международный. Российских спасателей, одетых в ярко-оранжевые комбинезоны, плотным кольцом окружили несколько человек, вооруженных автоматическими винтовками и одетыми в военную форму, цвет которой в России называли «песчанка», а на Западе – «хаки». На головах у них красовались белые каски с крупными синими буквами «MP» по бокам. Угрожая оружием, эти люди старались прижать русских к их машинам и оттеснить обратно в отсек самолета. Командовал этим процессом поджарый молодцеватый мужчина с нашивками сержанта.

«Military police, военная полиция, – машинально сообразил Володя, высовываясь из-под руки Демидова. – Интересно, какого хрена им здесь надо? Чего они привязались к нашим парням?»

В суматохе Локис как-то не сразу обратил внимание на то, что полицейские все как один были белыми и говорили по-английски, в то время как на Гаити преимущественно живут потомки африканских рабов, попросту говоря – негры. И говорят они на самой дикой, какую только можно придумать, смеси английского, испанского и французского, который официально называется креольским наречием.

Об этом Локис знал с детства, поскольку зачитывался, как и большинство мальчишек, приключенческими романами о благородных морских разбойниках – пиратах. Впрочем, не только один Владимир обратил внимание на эти расовые и языковые неувязки. Демидов, который, по-видимому, просто не разбирался в этих тонкостях, вообще их не заметил. К тому же, когда он злился, ему было глубоко наплевать, кто перед ним.

– Але, гараж, – останавливаясь неподалеку, громко окликнул он полицейских, – у вас какие-то проблемы, что ли, возникли? Могу помочь решить!

Игнорировать голос Купца было невозможно, поскольку он перекрыл все остальные шумы вокруг. Полицейские и их сержант с удивлением обернулись и замерли, то ли от восхищения, то ли от изумления.

– Fuckin, Russian bear! – резко проговорил опомнившийся сержант и потянулся к кобуре, видимо, собираясь достать оружие. – Get out of airport! Come on!

– Че ты про русских сказал? – взревел Демидов, сделав движение в сторону полицейских, не обращая внимания на направленные на него стволы автоматов. – Да я тебе сейчас такой «камон» устрою, мурло немытое, что ты у меня на карачках поползешь до своей факнутой Америки!

– Леха, тихо! – хватая командира поперек туловища, без всякой надежды удержать его, проговорил Локис. – Они тебя почти похвалили, назвали русским медведем...

– Знаю, – тихо ответил тот, – просто я по Югославии помню, как с американской швалью разговаривать надо... Подыграйте мне немного, лады?

Володя оглянулся на ребят: те стояли, не зная, что им предпринять. Продолжая удерживать Демидова, который вырывался больше для видимости, Локис показал глазами на спину командира, давая понять, что один он не справится и вряд ли его удержит.

Первым его кривлянья понял Вадим Жуков. Тот самый сапер, которому Демидов несколько минут назад посоветовал не думать.

– Командир, не надо!!! – истошно заорал он. – Не дай бог, зашибешь кого-нибудь! Это же международный скандал! Нас же засудят...

Локис едва успел увернуться от бросившегося на спину Демидова Вадима. Тот повис на Купце, вцепившись в него мертвой хваткой.

– Парни, держите его! – продолжал голосить Жуков. – Вы что, не видите, командир не в себе!

Только теперь десантники поняли, что им надо делать. Подобные «скетчи» многие из них разыгрывали, еще учась в школе, чтобы сорвать урок. Зачем Купцу понадобилось сейчас вспоминать детство, они не задумывались, но по опыту точно знали – Демидов никогда и ничего не делает просто так в экстремальных ситуациях.

Повиснув на своем командире, как лайки на затравленном медведе, они наперебой начали «успокаивать» его, пытаясь удержать на месте. Если бы такое произошло в реальной ситуации, то вряд ли им это удалось бы. Демидов был опытным бойцом, для него не составляло большого труда раскидать своих противников. Но сейчас у разведчиков была несколько иная задача.

Полицейские смотрели на «потасовку» русских с нескрываемым интересом. Некоторые даже принялись подбадривать «дерущихся». Сержант, который руководил патрулем «МР», оставил свою кобуру в покое и тоже присоединился к своим солдатам. На несколько минут они забыли о том, для чего, собственно, окружили российских спасателей. Именно этого и добивался Демидов.

Едва только клубок из тел разведчиков приблизился к американцам на нужное им расстояние, Локис тут же отпустил Демидова, которым до этого закрывался, как щитом.

Перехватив за цевье винтовку у полицейского, стоявшего к нему ближе остальных, он резко задрал ее стволом вверх, одновременно ударив полицейского носком тяжелого армейского ботинка по щиколотке. Не ожидавший ничего подобного, полицейский выпустил оружие из рук, жалобно вскрикнул и согнулся. Это послужило сигналом для остальных десантников.

Краем глаза Володя видел, как Вадим Жуков, спрыгнув со спины Купца, молниеносной подсечкой сбил второго полицейского с ног, ловко завладев его оружием. Остальные разведчики тоже не терялись. Но жестче всех действовал их командир. Ухватив стоявших перед ним полисменов руками за шею, он с такой силой сшиб их лбами, что у одного из них лопнула пластиковая каска, которая по замыслу ее разработчиков должна была выдерживать любые перегрузки, в том числе и прямое попадание пули калибром до девяти миллиметров. Меньше чем через минуту все было кончено. Обезоруженные американцы лежали на бетонке, уткнувшись в нее лицами, а над ними возвышались российские десантники с захваченным у полицейских оружием. И тут раздался испуганный голос Колесникова:

– Мужики, вы, что, охренели? Это же залет...

– Спокуха, – отмахнулся Демидов. – Америкосы только с бабами и детьми воевать умеют. Вот тогда они супергерои. А как только получают по морде, так сразу же смиренными становятся. Только силу и уважают, уроды...

– Командир, к нам гости... – радист Саня Ефимов кивнул головой на стремительно приближавшийся к ним открытый джип. – Как будем встречать?

– Хлебом-солью, – хмыкнул Демидов, но тут же посерьезнел: – Все, парни, без фанатизма, объявляется временное перемирие. Тем более, что это, похоже, местные власти...

– Все, доспасались, – мрачно констатировал Колесников. – Собирай, парни, манатки, едем домой...

– Не паникуй, Витек, – успокаивающе посоветовал Демидов, – я по опыту знаю, что с местными проще договориться, чем с этими, – он кивнул на лежащих представителей американской военной полиции.

Между тем джип круто развернулся перед русским самолетом. Из него выскочил какой-то гаитянин-негр, одетый в помятую и явно давно не стиранную военную форму. Трое солдат продолжали сидеть на своих местах, угрожающе наставив на спасателей и разведчиков автоматы.

Выпрыгнувший из внедорожника человек, по-видимому, старший по званию, с ходу принялся что-то тараторить, энергично размахивая руками, тыча пальцем то в столпившихся у грузовиков спасателей, то в самолет, на котором они прилетели, то в лежащих на асфальте американцев.

Демидов, который как-то незаметно для других взял командование, а значит, и ответственность на себя, внимательно слушал негра, склонив коротко остриженную голову к левому плечу. Даже согласно кивнул ей несколько раз.

– Кто-нибудь понял, что он сказал? – поинтересовался Купец, когда гаитянин замолчал. При этом было не совсем понятно, к кому конкретно он обращался. – На каком языке он вообще говорит?

– На гаитянском... – пошутил кто-то из спасателей. – Раз мы в Гаити, то здесь должны говорить на гаитянском языке...

– Логично, – не стал спорить Демидов, – но не смешно.

– Он на креольском говорит, – вмешался Локис. – Такое местное наречие, смесь английского, испанского и французского...

– Леша, – осторожно позвал Демидова Колесников, – может, зайдем в самолет и попробуем запросить базу, что нам дальше делать? У меня создается впечатление, что нас тут не ждали...

– Побеспокоить базу мы всегда успеем, – сквозь зубы возразил капитан, – надо попробовать самим разобраться в этой тряхомудии...

– Да чего тут разбираться? – вмешался Ефимов. – Одних спеленали, а уж с этими точно справимся...

– Ты, Саня, с виду умный, но как только начинаешь говорить, сразу становится видно, что первое впечатление обманчиво... Ты лучше помолчи, – негромко посетовал Демидов.

Все это время он, не отрываясь, следил за действиями гаитян.

– То, что мы американцам по головам наступали, вполне возможно, нам и простят. – Демидов перехватил «М-16» стволом вниз, давая понять, что агрессии с его стороны пока не будет. – А вот за местных полицейских могут и а-та-та сделать. Причем очень больно... Так что придется договариваться мирным путем.

– И кто это будет делать? – насмешливо поинтересовался Ефимов. – Лично я ни английского, ни тем более гаитянского не знаю...

– А какие ты вообще знаешь? – не дал ему договорить Демидов. – Административный, матерный и русский со словарем? Ладно, я сам попробую...

– Погоди, командир, – остановил Демидова Локис, – я тут, было дело, на досуге упражнялся в английском. Даже каких-то успехов добился. Во всяком случае, разговорный вроде бы освоил...

Купец мельком взглянул на Володю.

– Валяй. Попробуй, – неохотно буркнул он. – Объясни им, что мы здесь с мирными целями.

Локис откашлялся и, тщательно подбирая слова, заговорил на ломаном английском:

– Сэр, мы русские... русские спасатели, прилетели к вам из России, чтобы помочь...

При слове Россия лицо гаитянского военного немного смягчилось.

– О, Россия, я знаю... Это водка, Ленин, коммунизм и балалайка... Мне об этом рассказывали кубинские бородачи... – гаитянин говорил на вполне понятном для Локиса английском. Это обнадеживало.

– Чего он лопочет? – в один голос спросили Володю Демидов и Колесников.

– Про водку, Ленина, коммунизм и балалайку я уловил, но что именно он говорил, не понял... – после небольшой паузы добавил командир спасателей.

– По делу он пока ничего еще не сказал, – шепнул Локис, – говорит, что про Россию слышал...

– Уже кое-что, – буркнул Демидов. – Ты им объясни, что эти америкосы первыми напали на нас, мы просто вынуждены были обороняться. А ты лежи и не вертись, а то еще получишь.

Последние слова были обращены к попытавшемуся поднять голову сержанту «МР».

– Простите, сэр, – не обращая внимания на то, что Локиса отвлекают, продолжал говорить гаитянин, – я не представился. Меня зовут Жозеф Лепью, я помощник коменданта временной администрации Порт-о-Пренса. Что здесь произошло?

– Эти люди, – Локис кивнул на военных полицейских, – напали на нас, едва мы вышли из самолета. Нам пришлось применить силу...

Гаитийский офицер глянул на «пленных».

– Это военный американский патруль, он нам не подчиняется. Но мне известно, что американцы решили не пускать на наш остров других иностранцев, которые хотят нам помочь справиться с национальным бедствием. Лично я против такого решения...

– И что нам теперь делать? Возвращаться обратно?

– Ни в коем случае! Что вы! – заволновался помощник коменданта. – Правительство Гаити с одинаковой благодарностью примет любую помощь от любого государства...

Локису показалось, что офицер даже покраснел от возмущения, хотя его черная, с лиловым оттенком, кожа вряд ли позволила бы это увидеть.

– Я немедленно свяжусь с комендантом администрации, и он обязательно найдет удобное место, где вы сможете разбить свой лагерь. Подождите минуточку...

Гаитянин быстро подошел к джипу и принялся с кем-то разговаривать по рации.

– Ну, что там, Вовка? – нетерпеливо спросил Демидов.

– До чего договорились? – поддакнул Колесников.

– А хрен его знает, – пожав плечами, откровенно признался Локис. – Он пошел с кем-то связываться, чтобы про нас доложить...

– А еще говорят, что у нас в России бардак и бюрократия, – хмыкнул Демидов. – Им, козлам немывтым, помощь предлагают, почти халаявную, а они не могут решить, что с ней делать...

– А этих куда девать? – Колесников кивнул на продолжавших лежать американцев.

– Да хрен его знает...

– Алло, русские, – сержант-полицейский приподнял голову, – кто из вас говорит по-английски?

– Этому чего надо? – тут же встрепенулся Демидов. – Лежи, тебе сказали... до особого распоряжения. Переведи ему, Володька.

– Лежите спокойно, сэр, – сказал Локис по-английски. – Ваша судьба и судьба ваших подчиненных зависят только от вашего благоразумия.

– Кто вы такие? – обрадовавшись, что хоть кто-то с ним разговаривает на его родном языке, спросил сержант. – Только не говорите, что вы спасатели. За годы службы в военной полиции я многое повидал... Вы не похожи на спасателей, вы ведете себя как коммандос.

– Мы – русские спасатели, а это ко многому обязывает, – насмешливо ответил Локис и отвернулся от сержанта, давая понять, что не намерен больше с ним разговаривать.

– Чего ему надо? – опять спросил Демидов.

– Пытается выяснить, кто мы такие, – нехотя пояснил Володя. – Слушай, а что с ними делать-то в самом деле?

– Я пока не придумал, но, скорее всего, отпустим. Мы ж не звери лесные...

Между тем помощник коменданта Лепью, получив, видимо, какие-то инструкции от своего руководства, торопливо вернулся к россиянам.

– Все в порядке, господа, – бодро сообщил он, – комендант Порт-о-Пренса приказал выделить для вашего лагеря место в районе Национального музея. – Он на минуту замялся и добавил: – Правда, для этого придется расчистить площадку своими силами... Таковы наши правила, они обязательны для всех, кто только что прибыл на территорию республики.

Локис задумчиво оглянулся на спасателей, которые все это время стояли молча, не вмешиваясь в происходящее, потом перевел взгляд на уже выкатившиеся из брюха «Ила» грузовики.

– Думаю, что это не составит для нас большой проблемы, – проговорил он. – Техника и оборудование для этого у нас имеются...

– Вот и прекрасно, – обрадованно перебил Локиса гаитянин, – я немедленно распоряжусь, чтобы вам выделили площадку. Впрочем... Вы сами можете ее выбрать; здание Национального музея, вернее то, что от него осталось, найдете сами... Добро пожаловать на Гаити, господа!

Он быстро развернулся и поспешил к своей машине.

– Э, куда это он? – неожиданно забеспокоился Колесников. – Вы, кстати, до чего договорились-то?

– До того, что нас оставляют...

– Так, спокуха, мужики, – вмешался в разговор Демидов. – Мне по барабану, до чего вы там договариваетесь. Меня больше интересует, что будет с этими долбоящерами?

При этом Купец несильно пнул одного из американцев.

– Пусть забирают их на хрен...

– Да погодите вы, – Локис сам не понял, почему эта фраза прозвучала у него слишком раздраженно, – сейчас все решим. Месье, – окликнул он Лепью, – а что нам делать с этими?

Помощник коменданта остановился, словно его стукнули палкой по голове. Полуобернувшись, он несколько секунд косо смотрел на продолжавших все еще лежать американцев. Потом вскользь посмотрел на русских, которые были вооружены.

– Отпустите их, – предложил он, наконец, – и верните им оружие. Эти америкосы такие занудные, начнут жаловаться... А месье Добуа, наш военный комендант, очень не любит, когда его беспокоят по пустякам.

Считая, что этого вполне достаточно, гаитянин сел в джип и махнул рукой, давая понять водителю, куда надо ехать. Локиса поразило не то, что Лепью мало обеспокоился дальнейшей судьбой представителей «МР», а то, с каким равнодушием он об этом говорил.

– И что он сказал? – в очередной раз поинтересовался Демидов.

– Велел отпустить этих... С оружием.

– С оружием?! – в глазах Демидова сверкнули недобрые огоньки. – Ладно, будет им оружие...

Володя не сразу понял, что означал этот угрожающий тон. Командир группы действовал, как всегда, молниеносно. Меньше, чем за полминуты он разобрал американскую штурмовую винтовку «М-16» и раскидал ее запчасти куда придется. Учитывая его рост и силу, запчасти были раскиданы не меньше чем на сотню метров каждая.

– Чего встали? – со злостью обратился он к десанникам, которые с удивлением смотрели на манипуляции своего командира. – Забыли пункт инструктажа? Действуй, как я!

– Класс! – восторженно отозвался Жуков. – Лучше не придумашь. Особенно, если спрятать что-нибудь из «казенника», и пусть потом ищут...

– Вперед, и с песней, – хмуро приказал Демидов.

Спецназовцы тут же принялись разбирать винтовки, отобранные у американцев, и раскидывать запчасти по аэродромной «рулежке». Двое из них деловито обшаривали подсумки американцев, доставая из них магазины с патронами.

– А ты чего развалился, как на пляже? – Купец рывком, словно куклу, поднял на ноги полицейского с нашивками сержанта. – Бегом отсюда! И гавриков своих собирай.

– Сэр, – голос у старшего нарядом военной полиции, когда он обратился к Локису, был умоляющим, – я не знаю, кто вы, но то, что вы делаете – незаконно. Я просто вынужден был применить силу...

– Советую не шутить с этим человеком, – перебивая американца и указывая глазами на Демидова, сказал Володя. – Он не только плохо понимает какой-либо юмор, но и ко всему прочему совершенно не знает ваших законов.

– Чего ему? – Демидов угрожающе развернулся всем своим массивным телом. – Пусть валят, пока я окончательно не рассердился. Колесников, начинайте выгрузку.

При этом Володя успел заметить, что Купец ловко выщелкивал патроны из автоматных магазинов, словно лушил подсолнух. С глухим стуком они падали на асфальт, при этом Демидов почти машинально раскидывал их ногой, словно сметал мусор.

– Сэр, – полицейский сержант был слишком упрям, – я еще раз повторяю, вы – не спасатели, вы – коммандос. Я просто вынужден доложить своему руководству об этом.

– Не советую.

– Но я это сделаю.

Глядя, как американские военные полицейские собирают разбросанные части своего оружия и враждебно косятся на выезжающую из «Ила» спасательно-строительную технику, Локис невольно пожалел незадачливых вояк.

Глава 3

Расчистить площадку, на которой можно было бы разбить хоть какое-то подобие временного палаточного лагеря, удалось, только когда солнце полностью закатилось в море и наступила полная темнота. К счастью, у спасателей было несколько мобильных дизельных электростанций и мощных прожекторов. Только благодаря им работу удалось завершить, чтобы не ночевать под открытым небом. Об обеде и ужине пришлось забыть.

Порт-о-Пренс был разрушен, в буквальном смысле этого слова, до основания. Тем не менее что-то все же уцелело. Но даже по этим останкам можно было судить о том, что когда-то, совсем недавно, это был достаточно красивый город. Работая на расчистке, Володя пытался определить, где здесь стояло здание Национального музея, а где проходила улица. Сделать это было достаточно проблематично. Бесформенные груды камней, глубокие разломы, искореженная техника, поваленные деревья и столбы не давали возможности даже приблизительно понять, где проходила улица или некогда был переулок.

Первым делом на расчищенном месте установили госпитальные палатки. К ним почти немедленно потянулись пострадавшие. Прилетевшие в составе спасательной группы МЧС медики тут же принялись за работу. В основном им приходилось заниматься наложением гипсовых повязок на переломы, вправлением вывихов и перевязкой ран. Хотя попадались и более тяжелые случаи – с расплюснутыми руками, ногами, с пробитыми головами и даже переломами позвоночников...

Свои палатки десантники поставили отдельно от лагеря спасателей. В конце концов, они только работали под прикрытием МЧС. И хотя установка, данная в Москве, была категоричной – не выделяться, но задачи у них в любом случае были несколько иные, чем оказание гуманитарной помощи «братскому гаитянскому народу». Вот только какие именно, никто из разведчиков не знал. Пока не знал.

Палаток было всего две. Каждая – старого, еще советского образца, вмещающая по двадцать–двадцать пять человек. А если учесть, что стандартные армейские кровати на этот раз в комплект не вошли, то на десяток разведчиков-спецназовцев условия были поистине царские. Демидов с присущей ему щедростью даже хотел предоставить одно «помещение» местным жителям, которые в большинстве своем спали под открытым небом, но кто-то из прилетевших на Гаити раньше россиян иностранцев отговорил его от этой затеи.

– Во-первых, – предупредили Алексея, – гаитяне и так неплохо себя чувствуют на улице, во-вторых, аборигены запросто могут обменять подарок на спиртное, в лучшем случае на еду. Но самое главное, они непременно передерутся из-за места в этой самой палатке.

Выслушав все эти доводы, Купец задумчиво почесал в затылке, после чего решил эту проблему с чисто русской простотой:

– Фиг с ним, с актом доброй воли... – заявил он. – Будет у нас числиться в качестве резервной.

Вечером, когда уставшие от впечатлений спецназовцы наспех перекусывали выданным на «базе» сухим пайком, Саша Ефимов, облизывая ложку, невинно поинтересовался у Демидова:

– Командир, а мы сюда для чего прилетели? Завалы разбирать или у нас какое-то другое мероприятие намечается?

Демидов на мгновение замер, потом проглотил кусок тушенки и недовольно пробубнил:

– Под руку обязательно было про такие вещи спрашивать?

– Погоди, Леха, – тут же встрял в разговор Локис, – мы все в одинаковом положении, а значит, имеем право знать, какая бяка может нас ожидать...

– Да дайте вы спокойно пожрать! – взмолился Демидов. – Успеете вы все узнать. А во время еды думать надо только о хорошем.

– погоди, командир, – попытался возмутиться Володя, – что значит думать о хорошем? Мы, в конце концов...

– Отставить разговоры! – не дал ему договорить Демидов. – Пакет с заданием у меня, он подписан тремя генералами из Генштаба, опечатан тремя сургучными печатями, вскрыть его я имею право только в ноль часов по московскому времени... всем все понятно, что я сказал? По московскому времени. А мы от него сейчас отстаем на шесть часов. Арифметику из вас кто-нибудь помнит?

Разведчики смущенно примолкли.

– Простите, что я вмешиваюсь, – раздался неожиданно тихий, но достаточно уверенный голос. – Вы несколько неправильно поняли эту разницу...

Все разом обернулись, чтобы понять, кто осмелился нарушить неписаное правило разведки: командир группы имеет право на единоличное принятие любого решения. Говорившим оказался тот самый крепыш, которого ввели в состав группы буквально за полчаса до вылета. Кто он такой и что должен был делать, никто из разведчиков не знал. Но все видели, что, провозжая группу до самолета, полковник Туманов обращался с крепышом подчеркнуто вежливо.

Все это время крепыш вел себя более чем скромно, в разговоры ни с кем не вступал и даже в стычке с полицейскими не участвовал. Возможно, поэтому о его существовании все и забыли. И вот сейчас он совершенно неожиданно, а главное безапелляционно, влез в разговор.

– То есть как это неправильно? – выходя из состояния легкого шока, поинтересовался Демидов. – Поясните, уважаемый...

– Все очень просто, – мужчина поднялся со своего места, – разница с Москвой здесь действительно шесть часов. Только не в минус, а в плюс. Мы же в Западном полушарии, понимаете?

– И что из этого?

– А то... простите, не помню вашего имени... что когда в Москве было ноль часов, здесь было шесть часов вечера. Сейчас на Гаити половина одиннадцатого вечера, значит, в Москве – половина пятого утра следующих суток.

Несколько секунд Демидов недоверчиво смотрел на крепыша, что-то прикидывая в уме. Потом медленно отложил недоеденную тушенку и потянулся к своему ранцу.

– В России половина пятого утра? – недоверчиво переспросил он, вытаскивая из него запаянный в пластик пакет.

– Уверяю вас.

– Тогда всем внимание...

Быстро сорвав пластик и сломав печати, Демидов вытащил из серого конверта несколько листов тонкой папиросной бумаги с напечатанным на нем текстом. Пробежав его глазами, командир даже присвистнул.

– Вот это засада, парни...

– Чего там? – поинтересовался Локис, не делая, однако, даже попытки заглянуть в документ.

– Нам приказано найти и переправить в Россию некий боезаряд...

Купец проговорил это и растерянно оглядел своих бойцов. Те молчали в не меньшей растерянности.

– И это все? – проговорил кто-то.

– Все, – подтвердил Демидов, но, видимо, спохватившись, добавил: – Отставить разговорчики! Приказы не обсуждаются, а выполняются. Надеюсь, что это никому объяснять не надо?

– Простите, что я опять вмешиваюсь, – крепыш явно смущался, – но, похоже, ваши генералы, как это часто случается, слишком сильно все засекретили...

– Минуточку, – решительно перебил говорившего Демидов, – давайте-ка для начала уточним, кто вы такой и каков ваш статус в нашей группе?

Крепыш провел ладонью по лицу.

– Действительно, как-то глупо все получилось, – пробормотал он. – Мы больше суток вместе, а до сих пор ничего друг о друге не знаем. Точнее сказать, я про вас кое-что знаю, а вы обо мне – нет. Давайте внесем некоторую ясность.

– Давно пора, – буравя тяжелым взглядом говорившего, жестко проговорил Демидов. – Для начала – представьтесь.

Мужчина на мгновение запнулся.

– Зовите меня Иван Ивановичем...

– А точнее?

– Послушайте, – крепыш даже не повысил голоса, хотя некоторое раздражение в нем прозвучало, – даже если я скажу вам свое настоящее имя, это вам ничего не даст. В конце концов, это не так уж и важно...

– Ошибаетесь, милейший, – Демидов поднялся во весь свой рост. – Хотел бы вам напомнить, что вы находитесь в составе группы разведчиков, а это означает...

– Лично для меня это ничего не значит, – в голосе Ивана Ивановича прорезался металл. – Вы, товарищ командир, видимо, не слишком внимательно прочитали содержимое пакета... Там, насколько мне известно, должны быть инструкции и в отношении меня.

Демидов машинально посмотрел на листки, которые продолжал держать в руках. Пробежав текст еще раз, теперь уже более внимательно, потом поднял глаза на крепыша.

– Здесь сказано, что с нами направляется специалист-ядерщик...

– Вот именно, поэтому, – не дал ему договорить «Иван Иванович», – предлагаю на этом и остановиться. Поверьте, что если бы вам было положено знать больше, вам непременно сообщили обо мне более подробную информацию.

Демидов смерил мужчину тяжелым взглядом.

– Хорошо, – выдавил он, наконец, – будем звать вас Иваном Ивановичем... Что еще вы хотели нам рассказать?

– Вот и прекрасно, – удовлетворенно кивнул головой тот. – А теперь перейдем к делу. Для начала немного истории. Надеюсь, все слышали о Карибском кризисе?

– Иван Иванович, – насмешливо вставил Локис. – Вы нас совсем уж за тупых держите, что ли? Да про этот самый кризис так много говорили и писали, что о нем только глухой или слепой не слышал...

– Так вот, – делая вид, что не заметил бесцеремонности Володи, продолжил Иван Иванович. – Ракеты демонтировали и вывезли, боеголовки – тоже, но... Фидель Кастро мечтал о ядерном оружии, даже если оно было бы подконтрольно СССР. Ради осуществления этой своей мечты он был готов на любую авантюру. И, как это ни прискорбно, она ему удалась.

– В каком смысле удалась? – чуть не подпрыгнул на месте Демидов. – Вы хотите сказать, что кубинцы украли у нас ядерную боеголовку?

– Не совсем так, уважаемый. Кстати, я так и не запомнил вашего имени...

– Алексей меня зовут. Алексей Валерьевич.

– Так вот, уважаемый Алексей Валерьевич, подробности пропажи – подчеркиваю, пропажи, а не кражи – ядерного боезаряда до сих пор держат в секрете. Есть только догадки, предположения и сплетни. Если кто-то и знает об этой истории все подробности, то все равно молчит, и будет молчать.

– Ну, это понятно... – протянул кто-то из десантников.

– Понятно, да не все, – перебил говорившего Локис. – Получается, что боеголовку можно было стащить так же легко, как полведра яблок в чужом саду?..

– Вы дадите мне договорить, товарищи разведчики? – недовольно поморщился Иван Иванович. – У нас с вами еще будет возможность подискутировать на эту тему. Особенно, когда вы узнаете все подробности.

– Всем молчать, – распорядился Демидов. – Кто варежку разинет без спроса – я ее лично закрывать буду...

– Так вот, подробности пропажи, повторяю, мало кому известны. Я, например, склонен отнести все это к спешке, с которой эвакуировались ракеты и их компоненты. Не исключено, что это происки Кубинской службы безопасности. Не забывайте, что Кастро и его люди около трех лет не только великолепно скрывались в горах, но и вполне успешно вели боевые действия против Батисты. При этом грубых проколов у них не было, конспирация была на высоком уровне, и информацию они получали своевременно. И вообще, аппарат спецслужб Кубы – достаточно мощная организация.

Во всяком случае, по той информации, которой я располагаю, о пропаже стало известно только спустя полтора года, после разрешения пресловутого кризиса. Все сведения об этом были тут же засекречены, предъявлять претензии кубинскому правительству не стали. Я думаю, что это сделали по политическим мотивам. Во-первых, не желали терять такой удобный плацдарм под носом у Америки, а во-вторых, не хотели с ней обострять отношения. Впрочем, это тоже неважно.

– Иван Иваныч, – нарушая собственное распоряжение молчать, проговорил Демидов. – Все это очень интересно, но давайте поближе к современным событиям. Как-то, знаете ли, хочется понять, зачем нас сюда доставили и что мы должны делать. Может быть, нам предстоит штурмовать кубинские склады? Или какие-то военные базы?

Иван Иванович потер переносицу, видимо, подбирая слова.

– Дело в том, Алексей Валерьевич, – медленно проговорил он после недолгой паузы, – этот боезаряд спрятан не на Кубе, а на Гаити.

– О, как! – невольно вырвалось общим вздохом.

– Но и это не все, – что-то наподобие виноватой улыбки промелькнуло на лице Ивана Ивановича. – Главная же проблема состоит в том, что никто не знает, что именно спрятано, а самое главное – где. Только самая общая информация: где-то на Гаити...

То, что сказал загадочный человек, который попросил называть его Иваном Ивановичем, настолько потрясло всех разведчиков, что на некоторое время в палатке повисло гробовое молчание.

– Теперь-то вам понятно, для чего вас сюда прислали?

– Понятно-то понятно, – раздумчиво ответил Демидов. – Только мы вообще-то не сыщики, а разведчики спецназа ВДВ...

– Хотите сказать, что это не ваш профиль? – усмехнулся Иван Иванович. – Вполне с вами согласен, но только отчасти. Не забывайте, что одна из ваших специализаций – именно поиск и уничтожение складов с ядерными боеприпасами. Так что...

– Секундочку, Иван Иваныч, – Локис поднял руку, как школьник на уроке. – Позвольте один вопрос по теме?

– Я его даже предвижу, этот ваш вопрос, – чуть улыбнувшись углами губ, ответил тот. – Какого лешего про этот злосчастный заряд вспомнили спустя полвека? Все крайне просто: после землетрясения в одной очень закрытой организации появилась информация об этой давней истории. Информация, замечу вскользь, анонимная. Кто ее прислал – неизвестно.

– А может, никакой бомбы и нет? – с плохо скрываемой надеждой предположил радист Саня Ефимов. – Может, зря панты бьем, раз все это чистой воды деза?

– А если не деза? – тут же парировал Иван Иванович. – Вы можете себе представить, что начнется, если эту дрянь найдут американцы или, того хуже, какие-нибудь террористы? Между прочим, есть данные, что через десять дней после землетрясения здесь, на Гаити, было замечено странное оживление.

– В каком смысле странное? – быстро спросил Демидов.

– В том, что под видом корреспондентов и спасателей здесь стали появляться люди, которые ни к тем, ни к другим не имеют никакого отношения.

«А он не так прост, как хочет выглядеть, – подумал Локис. – Я не знаю, какой он там инженер, физик или ядерщик, но вот то, что он из какой-то хитрой конторы, – это сто пудов».

– Вот, собственно, и все, товарищи разведчики, – подвел итог Иван Иванович. – Теперь вам понятно, чем предстоит заниматься, и думаю, что в ближайшее время мы все с вами и выясним... А сейчас я, с вашего позволения, хотел бы лечь спать. Устал как собака. Да и время на акклиматизацию необходимо.

Сказав это, он, действительно, отошел в дальний угол палатки и принялся возиться со спальным мешком.

– Вовка, – негромко окликнул Демидов Локиса, – пойдём-ка, пошепчемся...

Глава 4

– Ну, и что ты по этому поводу скажешь? – спросил Демидов, едва они вышли из палатки. – Думаешь, что этот Ван Ваныч не треплется? Шестидесят второй год, насколько мне известно, от сегодняшних времен сильно отличается. Это сейчас что угодно можно купить. Хоть танковую дивизию, авиационный полк или баллистическую ракету... Были бы бабосы и желание. А тогда ведь с этим делом было гораздо строже.

– Да фиг его знает, – пожал плечами Владимир. – На болтуна вроде не похож... А там, кто его знает?.. Кстати, о строгости в шестидесятые, это ты, Леха, зря. И тогда можно было купить что хочешь. Только на государственном уровне. Ты, кстати говоря, бумаги-то из пакета уничтожь, а то сам знаешь, не дома...

– Само собой, сожгу, – небрежно отмахнулся Демидов, однако тут же достал из кармана зажигалку и, чиркнув ею, поднес к листкам. Тонкая папиросная бумага вспыхнула, как порох, и мгновенно сгорела.

– Знаешь, что мне не нравится во всей этой истории? – продолжал говорить Демидов, затапывая пепел. – То, что нас прямо на аэродроме уже встречали америкосы.

– Что ты к ним пристал? – совершенно искренне удивился Локис. – Ну, наглые собаки. Ну, любят везде свой нос совать. Тебе-то что до этого?

– Я их с Югославии не люблю, – посопев, признался Купец. – Поодиночке с ними общаешься – люди как люди. Как толпой соберутся – их словно подменяют. Становятся самодовольными и тупыми. Знаешь, какие у нас там стычки с ними были!

– А ты-то там что делал?

– В миротворческих войсках служил...

Владимир в очередной раз подумал о том, что, сколько бы ни прошло времени, он все равно не перестанет удивляться характеру, биографии и скромности капитана Леши Демидова.

Если брать по большому счету, то о прошлом Купца в батальоне, действительно, мало кто что-либо знал. При всей своей кажущейся простоте и открытости, он умудрялся как-то обходить тему своей личной жизни. Локис, к примеру, только недавно и совершенно случайно узнал, что, оказывается, Демидов полгода назад развелся с женой. И это при том, что они с Купцом считались друзьями или, как принято выражаться среди разведчиков, «шли в одной упряжке».

– И чего ж ты с американцами в Югославии делил? – с легким ехидством поинтересовался Володя. – Голубцы, сливянку или мамалыгу?

– Потом как-нибудь расскажу, – неохотно ответил Демидов. – Давай лучше подумаем, как мы будем искать то, не знаю что... Ты сам-то как? Верить, что наши могли потерять атомную бомбу?

– Знаешь, я после того, как в армию попал, ничему уже не удивляюсь, – философски ответил Локис. – И вообще, генералы наши могут все что угодно отчебучить.

– Ну, это и ежу понятно, – не стал спорить Купец. – Но этот Ван Ваныч мне, откровенно говоря, не нравится. У меня такое чувство, он чего-то не договаривает... Загнул про какую-то анонимку в соответствующие органы, говорит загадками.

– Леха, он ведь не девушка, чтобы тебе нравиться, – засмеялся Локис. – А то, что он весь из себя загадочный, это ты верно подметил. Знать бы только, из какой он конторы...

– В смысле «конторы»? – Демидов непонимающе посмотрел на Володю. – Ты о чем?

– Не тупи, Алексей Валерьевич, – засмеялся Локис, хлопнув командира по плечу. – Ты же опытный разведчик. Неужели не просчитал нашего Ванечку?

– А-а-а, вот ты о чем, – протянул Демидов. – Нет, то, что он «засланный казачок», я еще в Домодедове на аэродроме просек. Для этого большого ума не надо. Достаточно было просто увидеть, как его к самолету подвозили.

– А я тебе про что калякаю? – развел руками Локис.

– Что же касается твоих сомнений по поводу «конторы», – пропуская мимо ушей замечание приятеля, продолжал размышлять Купец, – то тут и думать не фи́га, и так все ясно, как божий день.

– Что, например?

– Например, откуда у Вани ноги, точнее крылья, выросли, чтобы до Гаити добраться.

Капитан замолчал. Володя тоже ничего не говорил, ожидая, когда тот озвучит свою версию.

– В этом нашем задании меня, Вовка, совсем другое смущает... – Демидов задумчиво достал пачку сигарет и попытался достать одну.

– Ты про «контору» что-то хотел сказать... – осторожно напомнил Локис.

– Да, на хер тебе его «контора» сдалась? – внезапно разозлился Демидов. – Из нашей он «конторы», из нашей...

– Из какой из «вашей»? – не преминул съехидничать Владимир.

Купец посмотрел на него взглядом, в котором читалось возмущение и досада одновременно.

– Не серди меня, сержант Локис, – попросил он серьезным голосом и тут же пообещал. – А то ударю больно по голове, которой ты пытаешься в данный момент думать...

Володя прекрасно понимал, что Алексей этого не сделает. Он всегда обещал «ударю по тому месту, которым думаешь» тем, кто по каким-либо причинам совершенно не понимал, по его мнению, очевидных вещей. Но почти никогда не выполнял своей угрозы. Поэтому позволил себе на правах друга и, можно сказать, заместителя командира группы, поиздеваться над Демидовым. Слишком уж серьезным он казался, пытаюсь рассуждать о задании.

– Нет, я серьезно спрашиваю, из какой «нашей конторы»? – переспросил он еще раз и почти тут же получил весьма чувствительный пинок.

– Сказал, не зли меня, – пробурчал Демидов и неожиданно обиделся. – Гад ты, Вовка! Я с тобой о серьезных вещах поговорить пытаюсь. А ты шута горохового из себя строишь...

Локису стало стыдно. Действительно, прилетели к черту на рога, без оружия, снаряжения, даже без четких указаний, что надо делать. Навязали какого-то Ивана Ивановича, который предложил разведчикам искать что непонятно кто «потерял» почти пятьдесят лет назад. Ко всему прочему выяснилось, что никто еще и понятия не имеет, где это самое «нечто» спрятано и как выглядит.

– Ладно, не сердись, – примирительно проговорил он, – просто у самого на душе муторно, вот и пытаюсь отвлечься сам и тебя отвлечь...

– Отвлекалки у тебя дубовые, – проворчал Демидов, но Владимир по его тону понял, что делает он это больше для проформы. – Чем дурака валять, лучше бы помог.

– Ну, говори чего надумал.

Демидов остановился, некоторое место смотрел куда-то в темноту, словно искал там ответ на волновавшие его вопросы.

– Не нравится мне все это, – в очередной раз проговорил он, наконец. – Оружия не выдали, снаряжения нет, Ванечка что-то темнит... Как вообще он себе представляет этот поиск? Завтра с утрачка, не позавтракав и не попив чайку, мы выходим в город и начинаем всех подряд спрашивать: мол, вы тут случайно бомбочку атомную не видели? Небольшая такая бомбочка, мегатонн на двадцать-тридцать. Мы ее по рассеянности лет пятьдесят назад посадили, а теперь желаем забрать... Так, что ли, искать будем?

Локис слушал не перебивая. Он тоже плохо представлял себе, каким образом они должны осуществлять поиски ядерного боезаряда. Одно дело, если бы их отправили произвести разведку или поиск производства ядерного, химического, биологического или еще какого-нибудь оружия. Тут было ясно, с чего начинать. А как найти то, что находится неизвестно где, в единственном, можно сказать, эксклюзивном экземпляре? Это, простите, никому не под силу.

– Может, у этого Вани есть какой-то план? – осторожно предположил Локис, больше для того, чтобы не молчать. – Сам же говоришь, он чего-то не договаривает...

– Не договаривает – это слабо сказано, – покачал головой Купец. – Я жабрами чувствую, что у него уже есть готовый план. Но вот какую роль в этом плане отвели нам, разведчикам, я никак понять не могу.

– Думаешь, нас хотят использовать вслепую?

– И не только нас... – с тяжелым вздохом подтвердил Демидов, отбрасывая в темноту окурок от уже пятой по счету сигареты. – Ладно, ни до чего мы с тобой не договоримся. Так просто языками молотим, как две кумушки возле тына. Пошли спать, завтра все узнаем.

Но поспать им в первую ночь пребывания на Гаити так и не удалось.

Лагерь, который оборудовали для себя спасатели МЧС, находился в небольшой низине. То ли это был фрагмент ландшафта, то ли низина образовалась в результате землетрясения. Как бы там ни было, но она оказалась единственной свободной площадкой, на которой поставили первые четыре палатки, в том числе и ту, что в недалеком будущем должна была стать кухней и столовой для всех обитателей лагеря. Там же разместили и большую штабную палатку. Так что волей неволей приходилось и все остальные «строения» привязывать именно к этому месту.

Демидов скептически отнесся к этой затее, справедливо полагая, что в случае непредвиденных обстоятельств лагерь может запросто смыть или засыпать. Однако Колесников решения своего менять не стал. Единственное, в чем он уступил Купцу, так это в том, чтобы спасатели обнесли будущий лагерь неким подобием «крепостного вала».

Ворча, что, может, надо было еще возвести крепостные стены со сторожевыми башнями, бойницами, переходами и прочей атрибутикой Средневековья, Колесников все же отдал распоряжение начать отсыпку вала.

С просьбой Демидова (больше напоминавшей требование) командир спасателей согласился отчасти потому, что после происшествия в аэропорту Купец «под большим секретом» сообщил Колесникову, что он и десять его человек – бойцы специальной службы безопасности МЧС РФ. На разрушенный остров они направлены для предотвращения возможных провокаций в адрес российских спасателей.

Колесников от такого заявления вытаращил глаза.

– Какая еще служба безопасности? – спросил он у Демидова. – Сколько лет уже мотаемся по всему миру и никакой службы с нами никогда еще не ездило... Откуда вы взялись?

– Новое распоряжение Сергея Шойгу... – таинственно ответил на это Демидов, делая большие глаза, и тут же добавил: – Но это государственная тайна.

Колесников покрутил пальцем у виска, очевидно показывая свое отношение к нововведениям в их министерстве, но тем не менее спорить не стал. А Купец счел это хорошим знаком для своей группы. Во всяком случае, какую-то власть над Колесниковым он получил. Но пользовался ей очень осторожно, без нажима.

Была и еще одна и, пожалуй, главная причина, по которой Колесников согласился насыпать вал. Гаитянские власти, по понятным только им одним причинам, так и не удосужились найти место, куда можно было бы организованно свозить мусор от разбора развалин.

Иностранцы, видимо, плохо знакомые с местными порядками, тем не менее очень быстро к ним привыкли и стали вывозить и сваливать обломки зданий куда попало. Но поскольку этого мусора было очень даже много, то как вокруг города, так и внутри него достаточно быстро

начали образовываться огромные горы из того, что совсем недавно было зданиями. Получалось нечто парадоксальное; расчищая одно место, тут же захламляли другое. Расчищали второе, заваливали третье, потом четвертое, пятое, шестое и так далее...

Вся эта работа по расчистке завалов напоминала перемещение барханов в пустыне или дюн на Балтийском побережье, когда от ветра песчинки перекатываются друг через друга, в результате чего огромные массы песка не только изменяют свою форму, но еще и движутся со скоростью несколько сот метров в год... Только, в отличие от своих песчаных собратьев, каменные барханы мусора перемещались значительно быстрее.

От Национального музея, здание которого было построено в середине восемнадцатого века и являлось, по словам местных жителей, чуть ли не самым красивым и старинным на всем Гаити, осталась лишь бесформенная груда кирпичных блоков. Она возвышалась над местностью, подобно причудливому горному пику. Обломки строений вокруг только дополняли эту экзотическую картину. Представить себе, что кто-то сможет передвинуть эту громаду, было не то что сложно – практически невозможно!

Однако, как гласит русская народная мудрость, «глаза боятся, а руки делают». К тому же самолет, на котором прилетели десантники, был не единственным. Всего из России на Гаити было отправлено пять транспортников «Ил-76», загруженных людьми и необходимой техникой. Поэтому к вечеру половина завала была разобрана, а в низине появился лагерь, на флагштоке которого заполоскался российский триколор.

Штабная палатка располагалась в центре, чуть поодаль – палатка-столовая, а остальные, в которых жили спасатели, образовывали полукруг. Десантники в этот полукруг не входили.

Локис и Демидов дошли до своей палатки. Володя при свете карманного фонарика с сомнением посмотрел на теплый спальный мешок. Своего снаряжения, кроме ножей, палаток и ранцев с трехдневным сухим пайком, у разведчиков не было. Командир полка Туманов категорически запретил брать с собой то, что могло бы вызвать подозрения в том, что они не имеют никакого отношения к спасателям. Все десантники были одеты в синие комбинезоны с надписью «МЧС России» на спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.